

АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ В XXI В.

УДК 008+130.2
ББК 71

И.Е. Фадеева

АНТРОПОЛОГИЯ СЕВЕРА: КАЛЛИСТРАТ ЖАКОВ (АНТРОПОЛОГИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ)*

Статья посвящена антропологическим аспектам межкультурного взаимодействия и представляет собой исследование философской автобиографии К.Ф. Жакова «Сквозь строй жизни». Автор исходит из того, что антропологическая проблематика является ключевой для анализа современной культуры российского Севера, а личность и философский самоанализ одного из ярких представителей народа коми К. Жакова может пролить свет на проблемы современной культуры. Автор формулирует и аргументирует гипотезу о гностической природе философского творчества Жакова, обусловленной переходом христианского, но сохранившего в начале XX века остатки языческие представления народа к его самообоснованию в рамках российской цивилизации.

Ключевые слова:

антропология межкультурного взаимодействия, гностицизм, Каллистрат Жаков, философская медитация.

Фадеева И.Е. Антропология Севера: Каллистрат Жаков (антропология межкультурного взаимодействия) // Общество. Среда. Развитие. – 2016, № 2. – С. 46–51.

© Фадеева Ирина Евгеньевна – доктор культурологии, профессор, зав. кафедрой культурологии и педагогической антропологии, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, Сыктывкар; e-mail: iefadeeva@mail.ru

Антропология современности – тематическое поле, притягивающее к себе внимание на протяжении всего XX и начала XXI веков. Причиной тому является затянувшийся антропологический кризис, основные характеристики которого были определены почти столетие назад М. Шелером и Р. Геномом. В разношерстном массиве противоречивых подходов можно выделить один, имеющий непосредственное отношение к нашей современности. Речь идет об антропологических процессах в культурных и географических границах российского севера – региона, переживающего, как известно, социально-экономический и демографический кризис, – в частности, об одном из финно-угорских регионов России – коми. Стоит отдельно подчеркнуть, что, если идеологема «Русский Север» достаточно часто привлекает к себе внимание, то проблематика нерусского, национального в рамках российской культуры региона, как это ни парадоксально, практически отсутствует, притом, что вопросы национального своеобразия и национальной идентичности, действи-

тельно, стали чуть ли не общим местом в этнографических и социокультурных исследованиях. Особенно значимыми, но практически не изученными являются, на наш взгляд, вовсе не вопросы межнациональных отношений, демографии и сохранения национального языка (при всей их, заметим, актуальности) – значимыми являются глубинные антропологические сдвиги, произошедшие на протяжении двух прошедших столетий, сдвиги, обусловленные сложными процессами межкультурных взаимодействий на их внутреннем, ментальном уровне.

Тематика этой статьи направлена на изучение антропологии межкультурного взаимодействия на основании анализа личности человека, в течение своей жизни пережившего исторический путь культуры «лесного народа» к российской и европейской интеграции. Речь пойдет о Каллистрате Фалалеевиче Жакове, место которого в русской и национальной культуре до сих пор представляется непрочным. Актуальность такой постановки вопроса обусловлена тем, что в личности Жакова,

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ 15-13-11003 (а(р)) «Антропология П. Сорокина и современные проблемы развития Севера». При финансовой поддержке Республики Коми.

как в капле воды, отразился драматизм национальной истории народа коми, перехода его из полуязыческой архаики в интеллектуальное и образовательное пространство российской и мировой секулярной и постсекулярной культуры. Личность Жакова представляет особый интерес еще и потому, что с Жаковым дружил и находился в одно время под его влиянием П.А. Сорокин, а исследования показывают, что в последний период жизни и творчества Сорокин как бы воспроизвел (в новом качестве, в иных контекстах и в иной философской систематике) некоторые ключевые идеи К.Ф. Жакова. Материалом этой статьи является автобиографический роман К.Ф. Жакова «Сквозь строй жизни», написанный им в 1912–1914 годах. Стоит отметить предварительно, что название романа мало соответствует его стилистике и общей направленности: вопреки народническим коннотациям, автобиография являет собой жанровый синтез философской медитации и исповеди.

Созданная К.Ф. Жаковым философия лимитизма представляет собой историко-культурную загадку: несмотря на достоверный, как кажется, источник – автобиографическую прозу, философско-мировоззренческие корни этого учения остаются нераскрытыми. Основной парадокс личности и философского творчества Каллистрата Жакова заключается в его попытке создать философскую систему вне философии, обрести религиозное сознание вне религии. Суть этого парадокса – опыт нигилистического отрицания современной ему русской философии (наряду с изучением западной (несистематическим, заметим) – Канта, Гегеля, Спенсера, Ницше), сопряженного, однако, с острым и трагическим переживанием собственной отторгнутости от некоего искомого, но так и не достигнутого единства. На наш взгляд, причиной этого парадокса являются драматический опыт культурной интеграции, промежуточность индивидуальной и культурной идентичности коми-зырянина, оставшегося в разрыве между типологически разными культурами, но стремящегося заполнить этот разрыв миром сказочных образов. Взглянув на свой народ и его мифологию с позиции истории, Жаков создал национальную, используя выражение К.Г. Исупова, «эстетику истории», превратив ее в сказочное повествование (он сам именовал себя «сказочником»; странствие героя автобиографии – это странствие его сказочного двойника лесного человека Гараморта), и встроил тем самым культуру

коми в широкую культурно-историческую перспективу. Но если созданная Жаковым поэтика, основанная на реконструкции дохристианских верований «лесного народа» (см. подробнее [6]), несмотря на относительно раннюю христианизацию сохранившего языческие представления и обряды, была ориентирована на русского читателя и представляла собой одно из проявлений именно русского модерна с характерным для него конструированием культурно-национальной идентичности, – то собственно философские идеи «лесного человека» Гараморта остались в стороне от того, что активно обсуждалось в российской философской среде. Парадокс заключается в том, что, создавая символистский образ своей культуры и тем самым формируя национальную идентичность коми, Жаков, на наш взгляд, хотел прийти к своему философскому самообоснованию минуя русскую культуру, что определило его маргинальное по сути место в российском интеллектуальном пространстве начала XX столетия.

Переход из времени мифа во время истории определяет базовую, на наш взгляд, характеристику (и вытекающие отсюда противоречия) философии и поэзии Каллистрата Жакова: *гнозис*. Теоретическим основанием для этого утверждения может служить мысль влиятельного историка церкви В.В. Болотова о характере эпохи, порождающей гностические идеи: применительно к поздней античности это кризис классической философской мысли, кризис религиозных оснований, «зловещие предзнаменования» в политической жизни [1, с. 181], притом, что о значимости аналогов той эпохи в конце XIX и начале XX столетий говорить не приходится – они очевидны. Исторически гнозис, говорит Болотов, представлял собой опыт «примирения язычества с христианством» [1, с. 170]; согласно В.С. Соловьеву, «условия для возникновения гностицизма, как и других сродных явлений, были созданы... культурно-политическим смешением различных национальных и религиозных стихий» [12, с. 950].

В случае Жакова это особенно значимо. Причем речь в данном случае может идти не только и не столько о языке, но в большей мере о некоем стихийном атеизме, биографически и типологически обоснованном неполным, частичным вхождением коми в христианское (осевое) время, цивилизационным парадоксом сосуществования «лесной», охотничьей – и земледельческой и индустриальной культуры.

Говоря о гностических чертах жаковской философии, следует развести вслед за устоявшейся традицией два понятия – гнозиса и гностицизма: гнозиса как общегнозиса философо-религиозного умонстроения, следы которого уходят в античность и продолжают в философских системах и художественных практиках вплоть до XX века, и гностицизма как религиозно-философского течения эпохи поздней античности. В случае Жакова это гнозис в широком смысле слова, хотя можно отметить и ряд параллелей с собственно гностицизмом начала I тысячелетия, особенно если учесть увлечение Жакова Платоном и платонизмом. В качестве одного из возможных источников жаковского гнозиса может быть названа статья В.С. Соловьева о гностике Валентине, опубликованная в энциклопедическом словаре под редакцией Ф.А. Брокгауза и И.А. Эфрона в 1892 году [11], а также его же статья в дополнительном томе этого издания – «Гностицизм» (1893 год) [12]. Источником могли послужить и фундаментальные труды В.В. Болотова, уделившего серьезное внимание гностическим ересям раннего христианства (второй том его лекций по истории Древней Церкви, один из разделов которого был посвящен гнозису, вышел в 1910 году). Можно предположить, что Жаков были известны труды профессора Киевской духовной академии М.Э. Поснова [8], хотя его исследование собственно гностицизма было опубликовано позднее написания Жаковым его автобиографии – в 1917 году. Стоит отметить, однако, что в творчестве Жакова не прослеживается связь с антропософией, которая, согласно Н.К. Бонецкой, стала в России начала XX века вариантом развития гностических идей [2]. В частности, в тексте автобиографического романа «Сквозь строй жизни» нет упоминаний о Рудольфе Штайнере – признанном кумире антропософски настроенной части русской философской и художественной интеллигенции, как нет, кстати, и упоминаний о русском религиозно-философском движении. Однако, если понимать антропософию как «медитативную самоуглубленность мышления» [10], философская медитация Жакова вполне отвечает этому критерию.

На наш взгляд, философское творчество К. Жакова, ставшее предметом его самоанализа, представляет собой вариант экзистенциального гнозиса (об экзистенциальной природе гнозиса XX века см. [5, с. 185]) – трагический опыт «заброшенности» и в то же время тоска по духовному,

горнему, в терминах философии лимитизма – по «Первопотенциалу». Параллелью этого ключевого для Жакова понятия в гностицизме начала I тысячелетия выступает Плерома, полнота которой, как следует из сочинений Валентина, охраняется Пределом (см. [1, с. 210]). Согласно гностическим представлениям, пишет Г. Йонас, «даже в низшем, отпавшем бытии содержится высшее начало. Оно пленено материальным миром – как оказался пленен Димиург своей гордыней. Переживание этой духовной падшести, разорванности, самоотчужденности, утери свободы составляет один из моментов потрясения...» [5, с. 200]. И Жаков пишет: «*Все обычное хочу я превзойти, дабы слиться с тобою, святое существование, беспредельное дыхание мира, и бесчисленные светочи жизни. Туда, туда! О, сын земли, творение небес!*» [3, с. 202].

Трагическое переживание дуализма собственного существования и стремление «Туда, туда!» связано у Жакова с увлечением философией Платона, через которое он прошел в ранние годы своих странствий: «*...О, птичка бедная, не можешь ты привыкнуть к своей золоченой клетке, ни забыть не можешь голубых воздушных равнин выси над горной; о моя бедная душа! Не можешь ты преодолеть страсти земной и ядовитых привычек, но и забыть не можешь великих идей небесных сфер. <...> О высшей гармонии и небесных и земных элементов мечтаю я ежедневно*» [3, с. 57–58]. Тема темницы земного мира, дуализма земного и горнего, проходит через всю философскую автобиографию Жакова: «*Да, 20 лет в одиночном заключении, в тюрьме вопросов и ответов, без просвета и выхода, при сознании, что к людям не сумею подойти я! И еще остается лет тридцать одиночного пребывания в одной из темных клеток земного жилища, потом улечу я на волнах эфира в широкое странствие во Вселенной...*» [3, с. 277].

Путь философии вне философии, ставший предметом самоанализа в автобиографии Жакова, являет собой характерный для неоплатонической экзегезы и вырастающего из нее гнозиса мотив странствия души, ее «падения» и восхождения через познание Единого. О плененности материально-чувственным, земным бытием много говорится в первых частях философской автобиографии Жакова (характерно, например, настойчивое повторение описания своей физической силы – поднимания и бросания двухпудровой гири, драк со сверстниками, победами в которых так гордился молодой Жаков). Указанный дуализм представляет собой композицион-

ную основу книги: параллелизм между земным странствием – путем страданий, невзгод, житейских перипетий и, с другой стороны, странствием души, ищущей полноты знания.

От власти этого мира, согласно гностическим идеям начала I тысячелетия, может освободить познание, гнозис, однако, как пишет Г. Йонас, «спасительного знания невозможно достичь объединением с космическим целым и согласием с его законами», для гностиков «человеческое отчуждение от мира должно углубляться и ставиться во главу угла для высвобождения внутренней самости, которая только таким образом может собрать себя» [5, с. 190]. И действительно, для Жакова мотив отчуждения от людей и самопознания очевиден: многократно повторяет он мысль о непризнании, отверженности, отчужденности от мира обывденных проблем и обязанностей (притом, заметим, что в воспоминаниях современников Жаков предстает как человек, окруженный друзьями и учениками, как друг, всегда готовый прийти на помощь – достаточно вспомнить о поддержке, которую оказал Жаков молодому П.А. Сорокину).

Понимание философского учения Жакова как гностического проливает свет на ключевое понятие его лимитизма – «предел», которое, по нашему мнению, имеет отчетливо выраженный гностический характер. Так, согласно учению Валентина, последним из тридцати эонов (эманаций первоначальной полноты – Плеромы) является София, возгоревшаяся желанием непосредственного созерцания своего «Отца» – Глубины, – невозможность чего ввергает Софию в состояние «недоумения, печали, страха и изумления» [11, с. 407]; бесконечность познания встречает «Предел» [1, с. 210]. «Упорядочивание (со встречей мятежной Софией Предела) эонов инспирирует в них вспышку творческого потенциала – в акте откровения и единения эоны порождают особый эон (“совокупный плод Плеромы”), причастный генетически и содержательно ко всем зонам и потому именуемым Все...» [7, с. 249].

Вместе с тем для Жакова очевидно отсутствие важного для религиозно-философских идей начала XX века концепта любви (если не считать изредка проскальзывающей в автобиографии темы абстрактной любви к людям). Подчеркнем, что у Жакова нет речи не только о любви-эросе, о ее теургически преображающей силе, как в сочинениях В.С. Соловьева (или, добавим, в поздних работах Питирима

Сорокина), но и вообще о преображении, обожении плоти, как нет и темы братской любви, важной, например, для о. Павла Флоренского. И если в сочинениях Соловьева речь идет о восходящей и нисходящей любви как связи между земным, тварным и небесным, о любви как пути к Богочеловечеству, то у Жакова эта связь (гностическая «сизигия») отсутствует: стремление к «занебесной» высоте и земное существование оказываются несоединимыми. Однако отсутствует у Жакова и проповедь аскетизма: любовь – скорее фигура умолчания, нечто, вообще не попавшее в поле зрения ищущего себя мыслителя.

Эта проблема заслуживает самого пристального внимания как в плане изучения творческой личности Жакова, так и в аспекте ее культурно-исторической типологии. Типологически Жаков, на наш взгляд, находится в рамках культурно-исторического *перехода*, совершаемого философски и художественно одаренной личностью от доиндивидуальной и досубъектной культуры – вполне освоенного «лесного народом» христианства – к культуре, основанной на субъективном переживании опыта мира и его философской и художественной рефлексии. Этот переход увиден и понят самим Жаковым с позиции личности, уже встроенной или встраивающей себя в иную культуру, и поэтому предстает в образах «падения» и «восхождения». *«Безумец, безумец! Где растратил ты силы свои, что приобрел ты в жизни, что совершил ты? – пишет Жаков. – Отчего теперь тихо, тихо так ходишь, низко опустив голову, ниже плеч, по длинным улицам великого города? Что согнуло тебя, отчего плачешь беспрерывно и ищешь утешения в сказках лучезарных, в странах отдаленных, на границах бесконечности? О дети мои, не живите так, как я жил»* [3, с. 94]. И далее: *«... Мрак окутал взор мне, глядящий в бездну, споткнулся я, странствуя от горы к горе, от планеты к планете... Упал, и кто поднимет? Но свет увидел я в вышине, и вот иду к тебе, святая причина света и темноты...»* [3, с. 202–203]. Вообще мотив падения и восхождения – постоянная тема Жакова, явно перекликающаяся с темами и мотивами псалмов Давида (ср. *«Из глубины зываю к Тебе, Господи...»* (Пс. 129:1); *«...Я согбен и совсем поник, весь день ссутя хожу...»* (Пс. 37)), но именно с псалмами Давида сопоставимы, по заключению М. Трофимовой, гимны собственно гностического трактата Πιότης Σοφία [13], как и мотивы падения и света в занебесной вышине. «Занимая место в тринадцатом эоне, – пишет по этому поводу В.В. Болотов, – она [*София – И.Ф.*]

однажды подняла свои взоры ввысь и увидела сияющую завесу сокровища света. Она хочет подняться до высоты ее, но не может, и, увлекаясь этим стремлением, вместо того, чтобы совершить тайну 13-го зона, поет гимн месту высоты» [1, с. 194].

(Заметим в скобках, что странствие от горы к горе, от планеты к планете – это путь русского Заратустры, вдохновленного поэмой Ницше, которого Жаков нередко цитирует. Сам мотив странничества и богоборчества, причем не того, юношеского, бунта против церковной догматики, который послужил причиной изгнания Жакова из монастырских стен, а более позднего, скрытого за бесконечной жаждой познания, – находится в очевидной связи с сочинениями Ницше).

Вместе с тем обращает на себя внимание, что в собственно философских работах Жакова, так же, как и в его автобиографии, отсутствует образ Софии, как отсутствует и основанный на раннехристианской гностической мифологии «гностический софийный миф» [9, с. 224]. Центральное понятие лимитизма – это «Первопотенциал», представляющее собой аналог известному гностическому термину «Плерома». Плерома – это полнота бытия, которая в то же время является самопознанием непостижимого и непознаваемого Абсолюта и противостоит его источению – кеноме. В сочинениях Жакова – это как бы мужской вариант Плеромы Первопотенциал: *«Излился Он в мире в разнообразных тенденциях своих... Сам же Он чистая напряженность, равнодушная и к количеству, и к качеству, и к тождеству, но больше и больше все проявляется в мире, не столько богатств своих и не теряя целостности. Он неистощим, премудр и благ, и лишь отчасти познаваем по делам Его... О нем поет душа... О нем, о нем, безумные дети природы!»* [3, с. 290].

Плерома изливается в материальный мир посредством эонов – «имен», предикатов Бога, которые собственно и «составляют абсолютное самопознание (собственно “гнозис”) Божества и высшую бытийную реальность» [5, с. 200]. С этим связана роль именования, языка, характерная для философской медитации Жакова: *«Господи! Господи! Взыгралась душа моя! К кому обратиться мне, как не к Тебе в ту минуту, когда радуется мое сердце? Хочу проповедовать имя Твое на языке новом, чтобы и мудрые послушали и сказали это научно. Помогите мне это свершить. Знаю, не мудр я, маленький безумец в большом Твоем доме, растерявшийся между людьми, но я надеюсь на Тебя, Ты возьмешь меня за руку и поведешь по пути истинь, не-*

злбия, братолюбия, жизни, а не смерти» [3, с. 57].

Говоря о гностических параллелях философской системы Жакова, не следует упускать из виду другой момент, связанный, казалось бы, с противоположным умонастроением, столь же характерным для философской рефлексии начала XX века, – с космизмом и софиологией, хотя, повторим еще раз, женской ипостаси Абсолютного у Жакова нет. Парадоксальность соединения противоположных философских интуиций и интенций обусловила странность философской системы Жакова, делающей ее неприемлемой для русских философов этого времени. С одной стороны, это очевидный дуализм плоти и духа, материального мира как темницы души и «занебесного» мира духовных существей. С другой – не менее очевидные следы пантеистического мироощущения и отчасти сходной с русским философским космизмом идеи красоты и целостности бытия: *«Радость наполнила мою душу, пусть же все звуки льются из края в край, от созвездия к созвездиям, и идеал предстанет перед нами – вот он, лучи его сиянием прорезываются сквозь тучи скорби мировой...»* [3, с. 203]. Именно Всеединство, «блаженное бытие», «Все» и переживание единения с «Первопотенциалом» противостоят трагизму и «мировой грусти». «Мир, – говорит Жаков, – не темная воля, а целесообразное целое, стремящееся реализовать предвечное Благо» [4, с. 119]. Хотя следует отметить, вслед за М.Э. Посновым, что и гнозис (речь у Поснова идет о валентинианском гнозисе) «представлял собою смешение идей греческой философии, восточной теософии с примесью христианских воззрений» [8, с. 689].

Нельзя не заметить, однако, что в философских построениях Жакова нет упоминаний о Христе и христианстве. На наш взгляд, этот факт говорит о непроявленной до конца роли субъекта, личности в философском мировоззрении Жакова как оно представлено в романе «Сквозь строй жизни» и, поэтому, значимости Христа как абсолютной личности и христианства как персонологической религии. Жаков, скорее, наследует собственно неоплатонизм, вне его взаимодействия с религией Нового Завета. Фактически он создает особый вариант гнозиса, суть которого представляет собой синтез язычества (язычества «лесного народа») и религиозности, который сформировался помимо христианства. Так, обращаясь к высшему началу – Первопотенциалу, Жаков не прибегает к евангельским мотивам и образам: его философская

медитация – основанная на идее эманации медитация язычника-платоника:

«Отец существующего, тот кто стал временем и протравывается. Материей и духом, кто не исчерпывается всем этим, но существует в себе непркосновенно, бесконечно творя и беспредельно наслаждаясь, – к тебе обращаюсь... Дай крылья мне, равные Вселенной, чтобы обозреть я мог все углы существования, чтобы восхвалить я мог рождение и смерть и то, что рождается и не умирает, чтобы воспел я красные горницы Вселенной и волнистую пустыню, где уже ничего нет, кроме тебя, где разум бессилен наш, дай звуки мне и слова великие, как бездна...» [3, с. 202–203].

Таким образом, философская автобиография К. Жакова представляет собой уникальное в своем роде произведение: это путь гнозиса, осуществленного в стилистике жанрового синтеза, причем синтеза, стоящего в стороне от наиболее значимых для русской культуры начала XX века течений философской и религиозно-философской мысли – софиологии, космизма, антропософии. В случае Каллистрата Жа-

кова это самостоятельно сформированный зырянский космизм – уникальный опыт индивидуального, познания и самопознания, выход из стихии до-индивидуальной и до-субъектного мира языческой мифологии – в мир истории. Причем этот выход был осуществлен Жаковым в принципиальном, как представляется, несогласии следовать важным для русской культуры начала XX века идеям и ценностям: это космизм – в отличие от религиозно-философских идей эпохи, вне православия. Представленный в автобиографическом романе опыт самообоснования показателен и с точки зрения антропологии национального самосознания региональной российской культуры, стремящейся, как это произошло у Жакова, сформировать свой образ в парадоксальном единстве вхождения в русскую/российскую цивилизацию и отторжения от нее (именно это является сегодня, на наш взгляд, одним из наиболее острых вопросов антропологии межкультурного взаимодействия), и в то же время опыт непосредственного встраивания в культуру мировую и европейскую.

Список литературы:

- [1] Болотов В.В. Лекции по истории Древней Церкви. Т. II. История Церкви в период до Константина Великого. – СПб.: тип. М. Меркушева, 1910. – 492 с.
- [2] Бонецкая Н.К. Русская софиология и антропософия. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.gudolf-steiner.ru/50000006/1454.html> (03.05.2016)
- [3] Жаков К.Ф. Сквозь строй жизни. Роман. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1996. – 384 с.
- [4] Жаков К.Ф. Мировая грусть и пессимизм нашего времени // В Киев! Что делали, видели и слышали в Киеве подписчицы и подписчики «Вестника Знания», съехавшиеся на праздник своего единения (11–19 июня 1911 г.). – СПб.: Изд-во «Вестника Знания», 1911. – С. 109–128.
- [5] Йонас Г. Гностицизм (Гностическая религия). – СПб.: Лань, 1998. – 384 с.
- [6] Лимеров П.Ф. Поэма «Биаармия» как итог исследовательской деятельности Каллистрата Жакова по реконструкции древнего мировоззрения коми-зырян // Известия Коми научного центра УрО РАН. Выпуск I. – Сыктывкар, 2015. – С. 110–116.
- [7] Можейко М.А. Гнозис // История философии: Энциклопедия / под ред. А.А. Грицанова. – Минск: Интерпрессервис, Книжный Дом, 2002. – С. 248–250.
- [8] Поснов М.Э. Гностицизм II века и победа христианской Церкви над ним. – Киев: Тип. Акц. О-ва Петр Барский в Киеве, 1917. – 828 с.
- [9] Рычков А. Рецепция гностических идей в русской литературе начала XX века // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. – 2013, № 4. – С. 223–246.
- [10] Свасьян К.А. Антропософия // Глоссарий Библиотеки духовной науки. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://bdn-steiner.ru/glossword/index.php> (03.05.2016)
- [11] Соловьев В.С. Валентин и валентиниане // Энциклопедический словарь / Под ред. Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Том V. – СПб.: Типо-Литография И.А. Ефрона, 1892. – С. 406–409.
- [12] Соловьев В.С. Гностицизм // Энциклопедический словарь / Под ред. Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Том VIIIа. Издатели Ф.А. Брокгауз. И.А. Ефрон. – СПб.: Типо-Литография И.А. Ефрона, 1893. – С. 950–952.
- [13] Трофимова М. Из истории гностической интерпретации // Знание за пределами науки. – М.: Республика, 1996. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://progoza.narod.ru/Trofimova.htm> (03.05.2016)